

На языке ДАРОВ

На языке ДАРОВ

Правила
символической
коммуникации
в Европе
1000–1700 гг.



На языке **ДАРОВ**



Правила
символической
коммуникации
в Европе
1000–1700 гг.

Zentrum für mediävistische Forschungen
der Nationalen Forschungsuniversität
Hochschule für Wirtschaft

Max Weber Stiftung
Deutsches Historisches Institut in Moskau

Die Sprache der GABEN

Regeln
der symbolischen
Kommunikation
in Europa
1000–1700

Herausgegeben von
Gerd Althoff und Michail Bojcov

Научно-учебная лаборатория медиевистических
исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Фонд имени Макса Вебера
Германский исторический институт в Москве

На языке ДАРОВ

Правила
символической
коммуникации
в Европе
1000–1700 гг.

Ответственные редакторы
Герд Альтхоф и Михаил Бойцов



РОССПЭН
Москва
2016

УДК 94(100) "653+654"

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

Н12

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве*

Рецензенты:

доктор исторических наук *О. Е. Кошелева*

доктор исторических наук *Р. М. Шукуров*

Н12 На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов ; [пер. с нем. М. А. Бойцова ; пер. с польск. М. В. Дмитриева ; технич. раб. по тому И. С. Канджи, М. А. Мерзляковой]. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 263 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2042-8

Книга представляет собой коллективную монографию, подготовленную историками из России, Германии и Польши и посвященную культурным, политическим, а также символическим аспектам обмена дарами в Европе на протяжении Средневековья и раннего Нового времени. Подробно разбирая конкретные эпизоды из истории Западной Европы, Византии и Руси, авторы выявляют широкий спектр функций дарообмена в различных исторических ситуациях. Обмен дарами предстает важнейшим средством коммуникации на Западе и Востоке Европы на протяжении всего рассматриваемого периода. В результате совместного международного проекта удалось выяснить, что средневековый «язык даров» был изощрен и глубоко символичен, способен точно выражать множество различных смыслов и их оттенков.

В книге использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполнявшегося в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2015 гг., и проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполнявшегося в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Монография предназначена для историков, антропологов, культурологов и всех, кто интересуется прошлым.

УДК 94(100) "653+654"

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2042-8

© Коллектив авторов, 2016

© Бойцов М. А., Дмитриев М. В., перевод
на русский язык, 2016

© Бойцов М. А., Альтхоф Г., введение, 2016

© Политическая энциклопедия, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Герд Альтхоф, Михаил Бойцов</i>	6
<i>Герд Альтхоф, Барбара Штольберг-Рилинген</i> . Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени	8
<i>Вольфрам Дреус</i> . Коронование и брачный союз: повышение статуса болгарских правителей византийскими императорами в X в.	29
<i>Андрей Виноградов</i> . Византийские подарки кавказским правителям: дань и подданство	40
<i>Анна Литвина, Федор Успенский</i> . Испытание дарами на пути «из варяг в греки»: дипломатический этикет и повествовательная формула	55
<i>Збигнев Далевский</i> . Вручение даров или уплата дани? Польские князья при императорском дворе (XI–XII вв.)	63
<i>Клаудиа Гарнье</i> . Дар, власть и честь. О формах и функциях обмена дарами в отношениях между монголами и европейцами в XIII в.	74
<i>Мария Панфилова</i> . Необычный офферторий в составе канонизационной мессы: проблемы происхождения и символической интерпретации	95
<i>Ольга Тогоева</i> . Корона как небесный дар. Жанна, дофин и ангел	113
<i>Михаил Бойцов</i> . «Константинов дар» и его аналоги – на Западе и Востоке Европы.	132
<i>Михаэль Грюнбарт</i> . Сила даров. Идеологический и материальный обмен между константинопольскими патриархами и русскими царями в XVII в.	155
<i>Ольга Дмитриева</i> . Обмен новогодними дарами при дворе Елизаветы I Тюдор	171
<i>Елена Кирьянова</i> . Трактат Якова I (VI) « <i>Basilikon Doron</i> » и его функции в Британии и за ее пределами	194
<i>Ян Хеннингс</i> . Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в.	201
<i>Лилия Бережная</i> . Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в.	226
<i>Михаил Бойцов</i> . Неисчерпаемость дара	252
Список сокращений.	259
Список иллюстраций	261
Об авторах.	263

ВВЕДЕНИЕ

Замысел, из которого выросла эта книга, возник внезапно – когда мы, оба ее будущих ответственных редактора, вместе рассматривали витрины с посольскими дарами в Оружейной палате Московского Кремля. Один из нас здесь оказался впервые, второй же выступал в роли гостеприимного «хозяина» московских достопримечательностей. Блеск кремлевских сокровищ не только произвел должное впечатление на гостя, но тут же, на месте, вдохновил его на идею провести среди всей этой посольской роскоши большую международную конференцию, посвященную значению даров в европейских культурах. Идея была не только дерзкой, но и весьма трудно реализуемой. Куда легче было бы успокоиться на том, что проект хотя и красив, однако заведомо неосуществим из-за множества очевидных и еще большего числа пока еще непредвиденных препятствий. Однако совместное решение, принятое перед той же самой витриной, состояло в том, чтобы все-таки попробовать...

Нашей общей склонности к академическому авантюризму, разумеется, была бы грош цена, если бы не доброжелательное с самого начала отношение руководства Музеев Московского Кремля к замыслу конференции. Нам очень приятно воспользоваться случаем, чтобы еще раз выразить самую глубокую признательность директору Елене Гагариной, ее заместителям Алексею Левыкину (ныне директор Государственного исторического музея), Ольге Дмитриевой, Андрею Баталову и ученому секретарю Ирине Воротниковой. Если бы не их великодушное согласие, организационная помощь и гостеприимство, наша конференция, наверное, все равно состоялась бы, но без того блеска, с которым она прошла, без такого внимания к ней российских и зарубежных медийных средств и даже дипломатов.

Помимо Федерального государственного учреждения культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль» значительную часть организационного и финансового бремени взяли на себя эксцелленцкластер (слово, на русский язык не переводимое) «Религия и политика в культурах Нового времени и предшествовавших ему эпох» Вестфальского университета имени Вильгельма (г. Мюнстер), Германский исторический институт в Москве, Германское исследовательское общество, Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Факультет истории (теперь Школа исторических наук) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Мы выражаем самую глубокую благодарность всем этим институциям и их руководителям, каждый из которых, кстати, выступил на торжественном открытии конференции. Помимо них почетными гостями стали ректор Вестфальского университета имени Вильгельма г-жа Урсула Неллес и Чрезвычайный и Полномочный посол Германии в России г-н Ульрих Бранденбург.

Немалое бремя организационных забот легло на плечи директора Германского исторического института в Москве профессора Николауса Катцера и его сотрудников Андрея Доронина и Бригитте Циль. Подготовка к публикации программы конференции и тезисов докладов – заслуга Юлии Звездиной и Анжеллы Кудрявцевой. Last but not least мы признательны за важную помощь незаменимым добровольным помощникам – тогда студентам Исторического факультета МГУ Анастасии Ануфриевой, Григорию Горбуну, Светлане Затюпе, Анастасии Сиротенко, Денису Сухино-Хоменко, Нике Хуциевой.

Путь от нашей конференции, прошедшей с исключительным успехом в октябре 2011 г., до издания книги, которая сейчас у читателя в руках, оказался намного длиннее, чем мы изначально предполагали. Трудностей на этом пути пришлось преодолеть едва ли не больше, чем при подготовке самой конференции. Виной тому – стечение целого ряда неблагоприятных обстоятельств, перечисление которых навеет скуку и авторам, и читателям. В конечном счете нам удалось многое, но не все: к сожалению, некоторые докладчики так и не нашли возможности переработать свои выступления в полноценные исследования, а планировавшаяся изначально немецкая версия этой книги – увы! – не увидит свет по причинам финансового свойства. Тем не менее мы рады, что все многочисленные заботы остались, наконец, позади и благодаря совместным усилиям Германского исторического института и издательства РОССПЭН мы можем представить на русском языке не просто собрание ученых штудий, но новый абрис важной исследовательской проблемы. В отличие от некоторых антропологов, российские историки до сих пор почти не углублялись в широкий круг вопросов, связанных с понятиями дара и обмена дарами в те или иные давние эпохи. Конечно, многие легко вспомнят имена французского ученого начала XX в. Марселя Мосса и опиравшегося на его тезисы советского медиевиста Арона Гуревича («дар ожидает ответа»), но, как станет ясно при чтении уже первых страниц нашей книги, оба этих классика отнюдь не исчерпали всего богатства проблематики дара. Тема символических даров все еще ждет по-настоящему серьезной разработки именно со стороны историков, – притом занимающихся отнюдь не только Средневековьем и ранним Новым временем, периодами, которыми мы решили пока ограничиться.

Герд Альтхоф, Михаил Бойцов

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОДАРКИ КАВКАЗСКИМ ПРАВИТЕЛЯМ: ДАТЬ И ПОДДАНСТВО

І. Введение

Государства Кавказа являлись важным политическим и военным партнером и оппонентом Византии на протяжении всей ее истории, и потому византийские подарки кавказским правителям (почти не исследованные, в отличие от даров арабским или западным монархам¹) дают исследователю обильную пищу для размышлений. Впрочем, степень связи империи с Западным и Восточным Кавказом была различной, что отразилось, помимо прочего, и на отправлявшихся туда дарах. Поэтому в дальнейшем речь пойдет преимущественно о Западном Кавказе.

В общем и целом, действия Византии на Кавказе до начала XIII в. продолжали римскую практику создания буферных вассальных государств на периферии империи. Несмотря на катастрофу середины VII в. и захват восточных провинций империи арабами, византийцы не потеряли полностью контроля над Западным Кавказом: во второй половине VII – первой половине VIII в. византийские титулы продолжают носить и армянские², и грузинские правители³. После отвоевания большей части Малой Азии при императорах-иконоборцах в середине VIII в. эти связи еще больше усиливаются, несмотря даже на потерю империей Лазики и Абхазии в 786–787 гг. (см. ниже).

Впрочем, в разные периоды средневизантийской истории степень этой зависимости была различной: от полного включения некоторых кавказских областей в состав Византии в виде фем до выплаты дани византийцами их соседям. Империи случалось и заключать здесь вековые союзы (например, с Аланией в X–XII вв.), и находиться в долгосрочных конфликтах (например, с Абхазией в конце VIII – IX в. и с Грузией в XI в.). Важно, однако, что дипломатические связи с византийским василевсом играли

¹ О них см., например; *Cutler A.* Les échanges de dons entre Byzance et l'Islam // *Journal des savants.* 1996. Vol. 1. P. 51–66; *Idem.* Gifts and gift exchange as aspects of the Byzantine, Arab, and related economies // *DOP.* Vol. 55. 2001. P. 247–278; *Schreiner P.* Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang // *DOP.* Vol. 58. 2004. P. 251–282; *Bauer F.A.* Potentieller Besitz. Geschenke im Rahmen des byzantinischen Kaiserzeremoniells // *Byzas.* Bd. 5. 2006. S. 135–169.

² Например, куропалат Сьмбат, который вынужден был даже переселиться на некоторое время на территорию империи (История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века / пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 116).

³ Например, эриемтавары Арнуша и Стефаноз III (*Абрамишвили Г.В.* Фресковая надпись Стефаноза Мампала в Атенском Сионе. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.); *Abramishvili G.* Mural inscription of Stepanoz Mampal in the Ateni Sioni // *Bedi Kartlisa.* 37. 1979. P. 363–365.

важную роль для самого Кавказа, не в последнюю очередь для легитимации власти местных правителей, что включало в себя и обмен дарами. Активные контакты государств Кавказа с империей, которая искала в их лице, помимо прочего, союзников для борьбы с арабами, хазарами и турками-сельджуками, продолжают до второй половины XII в. и значительно ослабляются после сокрушительного поражения при Мириокефале в 1176 г. После падения Константинополя в 1204 г. главным партнером кавказских государств становится уже Трапезундская империя, однако их отношения имеют уже иную, чем в средневизантийский период, специфику – без византийского доминирования (в частности потому, что на трапезундском престоле Великие Комнины оказались именно при помощи Грузинского царства).

Таким образом, в фокусе нашего внимания будет находиться трехвековой временной промежуток вокруг 1000 г.: от начала Македонской династии до катастрофы при Мириокефале. Также сразу следует оговориться, что нам неизвестны подарки, которые бы вручались кавказским правителям от лица не самого императора, а византийских чиновников (в отличие от арабских наместников Армении): по всей видимости, все такого рода дары считались – по крайней мере, на Кавказе – восходящими к самому василевсу. Наконец, подарки византийцев кавказским правителям были настолько многочисленны, что в рамках данного исследования мы ставим своей целью не перечислить их все, но выявить их специфику и понять принципы символической коммуникации при помощи даров в кавказском регионе.

В качестве иллюстрации значимости этой коммуникации приведем пример, в котором один историк XI в. описывает события трехсотлетней давности. Это пассаж⁴ из части официальной грузинской «Истории Картли» – «Жития Вахтанга Горгасала», написанного Джуаншером Джуаншеряни в XI в., т. е. в эпоху полной независимости Грузинского царства. Здесь повествуется о том, как из-за нашествия арабского полководца Мурвана Кру (Глухого; Мерван ибн Мухаммад, позднее ставший последним халифом из династии Омейядов) картлийские цари Михр и Арчил вынуждены были в 736–737 гг. бежать на край соседней Абхазии, в Анакопийскую крепость. Там их, однако, заботит не потеря всех грузинских земель, а то, как бы арабы не вывели о спрятанных ими сокровищах, прежде всего о двух венцах, золотом и анфраксовом, которые носили их предки, Мириан и Вахтанг. Обращаясь к Михру, Арчил говорит в частности: «И если мы ныне помрем, то все те сокровища останутся неведомыми, и с приходом греков да разыщет их кесарь в пользу рода нашего и даст ему царство и сокровища те»⁵. Удивительным образом именно византийский император должен отыскать грузинские венцы и даровать наследникам картлийских царей то, что и так принадлежит им по праву. Согласно легенде, «царь греков» должен прибыть в Грузию, чтобы найти сокровища Ираклия – фигуры символической и эсхатологической, последнего императора Христианского Востока. Но в плане политической идеологии василевс нужен, очевидно, для того

⁴ Картлис цховреба. История Грузии / глав. ред. Р. Мстревели. Тбилиси, 2008. С. 108–110.

⁵ Там же. С. 109.

чтобы совершить символический акт легитимации власти картлийских царей посредством материального подарка – царских венцов.

Это наблюдение подтверждается дальнейшим рассказом. Несмотря на победу над сарацинами, картлийские цари так почему-то и не стали искать свои венцы, хотя вроде бы и знали, где они закопаны. Вместо этого «отправили Михр, Арчил и Леон, эристав Абхазии, посланника к царю греческому и поведали ему обо всем, что сотворили они по воле Господней и своими руками. А тот передал им два венца и грамоту Михру и Арчилу...»⁶ Таким образом, в «Истории Картли» снова повторяется мысль о том, что легитимация власти картлийских царей осуществляется через дарование им венцов византийским императором. Дарование это находит прямые параллели в начале VIII в.⁷, но его описание у Джуаншера абсолютно не исторично: в грамоте императора содержится, по сути, лишь пророчество, о том, что через двести пятьдесят лет царство агарян расчленился, а через триста лет они будут сокрушены – это *vaticinium ex eventu*, действительно, отлично соответствует ситуации середины XI в., когда и было составлено «Житие Вахтанга Горгасала». Характерно, что и в XI в., когда Грузия находилась в жестком конфликте с империей (см. ниже), идея «византийской легитимации» была все еще актуальна. Как мы увидим ниже, ее действительно можно будет встретить на разных этапах кавказской истории. Но более того, в отличие от венцов Мириана и Вахтанга, «греческие» венцы из дальнейшего повествования Джуаншера не просто не исчезают – они становятся средством внутрикавказской легитимации: второй венец Арчил после смерти Михра передает Леону Абхазскому, за которого выдает свою дочь Гурандухт⁸. Таким образом, при помощи византийского венца картлийский царь узаконивает свой сюзеренитет над абхазским династом.

Перейдем от легенд к фактам. Как было указано выше, ввиду многочисленности византийских подарков кавказским правителям на первый план выходит задача их систематизации, причем не столько по материальным параметрам, сколько по различным аспектам их бытования и появления в источниках. Мы предлагаем оценить их по трем таким критериям.

II. Дары материальные и нематериальные

Во-первых, дары империи правителям Кавказа можно и нужно разделить на материальные и нематериальные. И если первые являются обычными в любой дипломатической практике, то вторые специфичны именно для таких империй, как Византия, и порождены во многом именно тем огромным престижем, которым она обладала, в частности, на Кавказе. С типологической точки зрения такие дары смыкаются с теми мате-

⁶ Картлис цховреба. История Грузии. С. 110.

⁷ Так, согласно Апенской надписи, в 711 г. картлийский эрисмтавар Стефаноз III получил венец от императора Вардана Филиппика (*Абрамшвили Г.В.* Указ. соч.).

⁸ Картлис цховреба... С. 111.

риальными, в которых символический характер превалирует (срав. выше, относительно Михра и Арчила). Такие нематериальные дары заключались, прежде всего, во включении местных правителей в византийскую чиновную иерархию.

Вариантом этой практики было крещение местного правителя в Константинополе, когда его восприемником от купели мог быть сам император. Вероятно, в результате этого правитель получал титул «духовный сын», хотя точное значение термина до сих пор точно не установлено⁹. У Константина Багрянородного (*De ceremoniis* II, 48) на Кавказе он прилагается к архонту архонтов Великой Армении (т. е. Анийскому царю) и эксусиократу алан. Последний, действительно, был крещен, по всей вероятности, в середине X в.¹⁰: столь торжественный акт кажется неслучайным, ведь именно в это время Алания возвращается к христианству, после изгнания византийского клира ок. 932 г. (срав. ниже). Что же касается анийских Багратидов, то в армянской историографии этот титул часто заменяется титулом «любимый сын»¹¹ – можно предположить, что речь здесь шла не о духовном или физическом¹² родстве, а о неких близких отношениях, о «названном сыне» императора, как (наряду с «духовным сыном») определяет Смбата II армянский католикос¹³. Характерно, однако, что византийская дипломатия считает даже самых могущественных кавказских правителей¹⁴ (см. также ниже) стоящими в этом отношении ниже императора, а не равными ему, как европейских королей, которым полагается обращение «духовный брат»¹⁵.

Впрочем, и чисто церемониальная сторона дипломатии была чаще всего сопряжена с материальной: новоназначенные чиновники-варвары получали соответствующие их рангу одежды и инсигнии¹⁶. Так, в одном из аланских могильников Северного Кавказа был обнаружен фрагмент ткани второй половины VIII в., попавшей в Аланию, возможно, как военная добыча, с надписью в честь Ваана¹⁷ – очевидно, подарок армянскому

⁹ *Dölger F.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Eutal, 1953. S. 67–68; *Martin-Hisard B.* Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48 // *Travaux et memoires*, 13, 2000. P. 421–422.

¹⁰ *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Септы – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 43–44.

¹¹ См.: *Юзбашьян К.П.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. М., 1988. С. 82.

¹² На такое употребление термина «духовный» намекает *De ceremoniis* II, 47, где, в описании событий 927 г., болгарский царь Петр назван вначале «духовным внуком» Романа I (он, действительно, женился на его внучке) и тут же, после того как «он поменял имя и вступил в сыновство», – «духовным сыном».

¹³ *Ованес Драсханакеертци.* История Армении, 54.

¹⁴ *Юзбашьян К.П.* Указ. соч. С. 82–83. Примеч. 27, не исключает, что титул «духовного сына» имел и Давид Куропалат (о нем см. ниже).

¹⁵ *Constantinus Porphyrogenitus.* *De ceremoniis* II, 48. «Духовным отцом» императора здесь называется только римский папа (II, 47).

¹⁶ О них см.: *Constantinus Porphyrogenitus.* *De ceremoniis* I, 52–68.

¹⁷ *Ierusalimskaja A.* Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? Le ruban en soie de Moscevaja Balka // *ΛΙΘΟΣΤΡΩΤΟΝ.* Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für M. Restle. Stuttgart, 2000. S. 125–130; *Виноградов А.Ю.* Греческие тексты из Мошевой балки и поэтическая структура византийских

правителю, удостоенному довольно высокого титула протоспафария (в начале X в. его носили, например, зоравар Тарона Лев и сын и брат правителя Тарона Григория¹⁸). Другому армянскому правителю – Гургену Ишханику – Михаил III обещал титул ипата и знамя с крестом¹⁹. Роман I посылает Гургену Багратиду «магистрский иматий»²⁰. Однако такие подарки, как лента или знамя, имели ценность не столько сами по себе, сколько как знаки нового статуса их обладателя.

Помимо одежд и инсигний, местные правители получали вместе с титулом выплаты²¹ и дары. Именно эти подарки позволяли византийцам зачастую сохранять лицо: под ними могла маскироваться выплата дани – при этом привлеченные блеском золота и церемониальных нарядов варварские правители становились подданными империи. Для византийцев же включение варварского правителя в имперскую чиновную иерархию автоматически означало признание им своего подданства²².

Однако империя считала своими подданными не только тех кавказских правителей, которые имели византийские придворные титулы, как мы видим это у Константина VII Багрянородного в середине X в. Для обозначения сопровождающих дары писем подающему большинству правителей Кавказа здесь использован термин «повеление, приказ» (κέλευσις), подчеркивающий их подчиненное императору положение. «Архонту Коковита в Армении; архонту Тарона в Армении; архонту Моэкса в Армении; архонту Авзана в Армении; архонту Сины в Армении; архонту Вайцора в Армении; архонту Хачены в Армении; трем архонтам Сервотиев, называемых Черные дети. Надписание всем вышеперечисленным: “Повеление от христоролюбивых владык такому-то, архонту того-то” <...> Архонту Вериясаха в Иверии; архонту Карнатаиса в Иверии; архонту Куела в Иверии; архонту Ацары в Иверии: “Повеление от христоролюбивых владык такому-то” <...> Эксусиасту Авагии. Золотая булла в два солида. “Повеление от христоролюбивых владык такому-то, славнейшему эксусиасту Авагии”. Архонту Албании; архонту Криватадов, то есть так называемому Кривату; архонту Кидонии; архонтам Цанарии; архонту Сарвана, который находится посередине между Аланией и Цанарией; архонтам Азии, где находятся Каспийские ворота; архонту Хрисы; архонту Врезана; архонту Мокана (следует знать, что от Мокана начинается Меотидское озеро). Надписание всем вышеперечисленным: “Повеление от христоролюбивых владык такому-то, архонту того-то”»²³.

аккламаций // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Троицкого. СПб., 2014. С. 133–140.

¹⁸ Юзбашьян К.Н. Указ. соч. С. 112, 116–118, 205.

¹⁹ Там же. С. 97–98.

²⁰ *Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando imperio 46.

²¹ Классический случай этого, с архонтом Тарона, описан у Константина Багрянородного в De ceremoniis I, 33 и De administrando imperio 43: он получал ежегодную ругу в 10 литр золота и 10 литр миллиарисиями (см.: Юзбашьян К.Н. Указ. соч. С. 118–124).

²² О статусе кавказских правителей в византийской иерархии см.: *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 359–530.

²³ *Constantinus Porphyrogenitus*. De ceremoniis II, 48.

С «повелением» император обращается и к кавказским католикосам: «Католикосу Армении, католикосу Ивирии, католикосу Албании. Надписание трем католикосам: “Повеление от христолюбивых владык такому-то, благовернейшему наставнику того-то”»²⁴. Как мы видим, Константин считает, что он может приказывать и тем, кто не является ни подданным византийского императора, ни паствой константинопольского патриарха²⁵, в том числе и правителям тех территорий, которые никогда не находились под римской властью.

Однако к самым могущественным правителям Кавказа: архонту архонтов Великой Армении, архонту архонтов Васпуракана и экскусиократору Алании – император обращается как к независимым государям: «Константин и Роман, верные во Христе Боге самодержцы, августы, императоры ромеев, такому-то, знаменитейшему...»²⁶, подчеркивая данной формулой их единство в вере²⁷ (и игнорируя тем самым внутрехристианские различия). Таким образом, Византия вносила иерархический порядок в регион, где старшинство правителей определялось преимущественно их силой (см. ниже, относительно Константина III Абхазского).

Более того, империя могла влиять на ситуацию в регионе путем дарования титула или отказа в нем, т. е. повышая или понижая статус тех или иных правителей. Так, если в начале X в. правитель Алании именуется просто архонтом²⁸, то уже к середине того же столетия его возросшая роль находит отражение в повышении его статуса и даже создании специально для него нового, невиданного прежде титула «экскусиократор»²⁹. При этом в некоторых случаях византийцев даже трудно обвинить в выходе за рамки своей компетенции: так, возросшая роль той же Алании отражается в повышении ее статуса внутри Константинопольской Церкви с архиепископии до митрополии, причем титулярной³⁰.

²⁴ Ibid.

²⁵ А. Тойнби полагал это свидетельством того, что Византия считала своими подданными вообще всех жителей ойкумены, однако приводимые нами ниже примеры опровергают эту точку зрения (*Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his world. L., 1973. P. 346*).

²⁶ *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis II, 48.*

²⁷ Загадочным остается то, почему Константин обращается как к христианину и к хазарскому кагану: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, единого и единственного истинного Бога нашего. Константин и Роман, верные в Боге императоры ромеев, такому-то благороднейшему, знаменитейшему хагану Хазарии», а не как к другим независимым правителям-язычникам («Письмо Константина и Романа, христолюбивых императоров ромеев, архонту того-то») или как к мусульманам (без упоминания Троицы): «Константин и Роман, во Христе благочестивые самодержцы, великие, высокие августы, императоры ромеев возлюбленному нашему другу, благороднейшему...»

²⁸ См.: *Nicolas I Patriarch of Constantinople, Letters / ed. by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. Washington, D.C., 1973 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 6). Epist. 46, 51, 162.*

²⁹ *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis II, 48.*

³⁰ См.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 43–44.*

Приведем еще один пример такой «игры на повышение». Старшие правители Тао-Кларджетии получили титул куропалатов еще на рубеже VIII и IX вв.³¹ Однако о самом могущественном ее правителе – Давиде (961–1000) – мы знаем, что долгое время, до 990 г., он носил более низкий титул магистра³², который имели младшие представители правящего рода Багратиони, хотя один из его ближайших предшественников, Ашот II (ум. в 954), был куропалатом, и титул этот стал считаться практически неотъемлемой принадлежностью старших тао-кларджетских правителей³³. Почему же император Василий II присвоил Давиду законный титул куропалата так поздно? Яхья Антиохийский объясняет это так: «И гневался царь Василий на Давида, царя грузин, владетеля ал-Тайя и на двух сыновей Бакрата, владетелей ал-Халидиата, за то, что они помогали Фоке, и послал войско для войны с ними под начальством одного патриция, именуемого Джакрусом. И пошел он на сыновей Бакрата и убил старшего из них и сослал младшего. И просил Давид, царь грузин, у царя Василия прощения и пощады и обещал ему повинование и покорность, и что его владения после его смерти будут присоединены к его [Василия] государству, так как сам он дряхлый старик и не имеет ни сына, ни других наследников, и просил царя разрешить ему прислать своих сановников ко двору его, чтобы царь мог взять с них [клятвы] и заручиться обязательствами с их стороны, что они сдадут города по смерти их государя. И понравился образ действий его царю Василию и сделал он его куропалатом и послал ему платья с драгоценными украшениями»³⁴. Здесь присвоение высокого титула куропалата и дары в виде соответствующих новому рангу одежд³⁵ становятся для Давида той пилюлей, которая должна подсластить горечь от будущей утраты его родовых владений, – высокий титул становится своего рода предметом торговли между империей и кавказским правителем.

³¹ Это был Ашот Багратид (Картлис цховреба... С. 140). Иоани Сабанидзе, автор «Мученичества св. Або» (*Кекелидзе К.С.* Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1956. С. 31–32), наделает, впрочем, и его отца Адарнасе титулом куропалата. Однако «Летопись Картли» (Картлис цховреба... С. 135–140) прямо сообщает, что Адарнасе был правителем не Картли, а Тао-Кларджетии, и титул куропалата (ставший впоследствии практически наследственным) получил впервые (и уже не в Картли) другой его сын – Ашот, с которого он и был ошибочно перенесен на Адарнасе.

³² Об этом мы знаем из записи в Ошской рукописи поучений Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина 972 г. (см.: *Степаненко В.П.* Из истории армяно-византийских отношений второй половины X–XI в. (к атрибуции монет Кюрике куропалата) // *А/СВ.* Вып. 15. 1978. С. 43–51, особ. 45–46), а также из: *Мовсес Калтанкатуци.* История страны Алуанк, III, 24 (980 г.).

³³ «Куропалату Иверии. Золотая булла в два солида. “Повеление от христолюбивых владык такому-то, славнейшему куропалату”». *Constantinus Porphyrogenitus.* De ceremoniis II, 48.

³⁴ Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / пер. В.Р. Розена. СПб., 1883. С. 27.

³⁵ Судя по *Constantinus Porphyrogenitus.* De ceremoniis I, 54, в середине X в. это были пурпурный дивитиссий с фибулой и пурпурный сагий. Кроме того, при церемониях он мог носить золотой жезл (Ibid. II, 51). В конце IX в., согласно «Клиторологию» Филофея (Ibid. II, 52), инсигниями куропалата были расшитый золотом красный хитон, хламида и пояс.

Точно так же в обмен на титул магистра вынуждены были завещать империи свои владения Сеннахерим Васпураканский³⁶ и Ованес-Смбат Анийский, потерпевший поражение от Василия II в 1022 г.³⁷ Отметим, что через десять лет последний даже удостоился брака с императорской племянницей – по-видимому, именно благодаря этому его сын Гагик, сохраняя мир с империей, не считал необходимым передавать ей отцовские владения, так что Константину IX Мономаху пришлось в 1044–1045 гг. принудить его к этому военным путем и затем переселить его вглубь Малой Азии³⁸.

Показательно, что византийцы считали возможным повышать титулы местных правителей и вне рамок собственной иерархической системы. Так, Константин Багрянородный повысил титул правителей Васпуракана с архонта до архонта архонтов: последний не существовал в византийской администрации и был актуален именно для Кавказа, соответствуя армянскому «ишхан ишханац» и заменяя собой древний, но неприемлемый в средневизантийское время эквивалент последнего βασιλεύς τῶν βασιλέων³⁹.

Впрочем, такое византийское вмешательство в мир местных кавказских правителей посредством присвоения титулов могло обернуться и их непризнанием, и даже военным конфликтом. Классический пример такого нерасчетливого дарения – присвоение при Романе I титула куропалата одному из тао-кларджетских Багратидов после смерти предыдущего его носителя. «Когда патрикий и друнгарий флота Константин <...> вступил в Ивирию, его перехватил блаженный Давид, брат Асотия, нынешнего куропалата, спросив его: “Куда ты послан василевсом, какую службу ты должен исполнить, ведя с собою такое войско?” Ибо они опасались из-за смерти куропалата Адранасэ, как бы василевс не решил возвести в куропалаты Куркения, так как тем временем сыновья куропалата Адранасэ после смерти их отца имели некие раздоры со своим двоюродным братом. Поскольку Куркеный отправил к василевсу с великими дарами своего первого человека, прося о куропалатстве или о магистрате, четверо братьев, а именно – сыновья куропалата Адранасэ, подозревали, что [Константин] прибыл туда ради того, чтобы сделать Куркения куропалатом <...>. Видя [все] это, ивиры, и магистр Куркеный, и магистр Давид, брат куропалата Асотия, написали василевсу: “Если твоя царственность соглашается на это и вступает вглубь нашей страны, мы отходим от служения твоей царственности и соединяемся с сарацинами, поскольку можем выдержать битвы и войны с ромеями и, будучи вынуждены, можем двинуть войско и против крепости Ардануци, и против ее области, и против самой Романии”. Прочтя это в грамотах вышеназванных архонтов, услышав [то же] от посланных ими людей и боясь, как бы они не соединились с сараци-

³⁶ *Cecaumenos*. *Strategicon*, 81 (Русский перевод: *Советы и рассказы Кекавмена* / подг. текста, введ., пер. и комм. Г.Г. Литаврина. 2-е изд. СПб., 2003. С. 299).

³⁷ *Joannes Scylitzes*. *Synopsis historiarum* / ed. I. Turn. Berlin; N. Y., 1973. (Constantinus IV, 8).

³⁸ *Ibid.* Romanus III, 9.

³⁹ См.: *Юзбашьян К.Н.* Указ. соч. С. 84–85. Вопреки ему (Там же. С. 86), этот титул не перешел к васпураканскому правителю от анийского, т. к. в *Constantinus Porphyrogenitus*. *De ceremoniis* II, 48, его носят оба. Характерно, что армянскому титулу ишхан соответствовал арабский титул батрик, т. е. *πατρίκιος* (см.: Там же. С. 90).

нами и не привели войска Персии против Романии, василевс отрекся <...>. А сам прото-сфаврий и манглавит Константин получил приказ, исполненный оскорблений и угроз: “Кто велел тебе делать это? Поскорее уходи из крепости, заведи Асотия, сына покойного куропалата Адранасэ, и приведи его сюда, чтобы мы почтили его саном его отца, куропалата” <...>. Патрикий же Константин <...> взял Асотия, сына куропалата Адранасэ, привел его в город, и он был почтен василевсом в куропалаты»⁴⁰. Здесь мы видим, как парадоксальным образом империя оказывается не в силах изменить местный порядок получения даваемого ею же титула.

Но закономерно встает вопрос: а насколько эти византийские дипломатические изыски воспринимались и реципировались на самом Кавказе? Упомянутые у Константина правители Восточного Кавказа вряд ли догадывались о том, что они являются подданными далекого императора в Константинополе, но на Западном Кавказе, где в ранне-византийскую эпоху многие земли находились под реальной властью империи, дело обстояло иначе. Выше уже приводился пример из грузинской хроники XI в. Теперь же приведем еще несколько.

В вышеприведенном рассказе Константина Багрянородного о споре тао-кларджетских Багратидов за куропалатство обращает на себя внимание отправление Гургеном посольства с дарами в Константинополь для получения какого-нибудь титула – если не куропалата, то хотя бы магистра. Около 980 г. знатный житель Мокка Мандлахт продает свои земли, чтобы в обмен на денежный дар получить от императоров в Константинополе украшенную драгоценными камнями ставротеку с частицами Креста и других святынь, которая затем становится главной святыней монастыря Апаранк⁴¹. Отметим, что типологически этот привезенный из столицы объект престижа мало отличается от купленных Мандлахтом там же египетских золототканых и пурпурных тканей, ценных пород дерева и слоновой кости, однако статус его как императорского дара выше даже его значения как реликвии.

В 1970-е гг. при раскопках храма в Бомборе (Абхазия) был найден обломок архитрава (космита) алтарной преграды с фрагментом греческой надписи, который тогда так и не был прочитан (ил. 1). Надпись эта, хранящаяся в Сухумском музее, похожа по палеографии на анакопийское надгробие 929 г.⁴² Она хорошо читается: τοῦ μαγίστρου καὶ ἐξουσιαστῆ[τοῦ] «магистра и эксусиаста». Магистр – высокий придворный титул в Византии, и в первой половине X в. в Абхазии его вместе с титулом эксусиаста, мог носить только местный царь, о чем нам прямо сообщает Константин Багрянородный⁴³. Следовательно, абхазский царь в своей собственной строительной надписи, продолжая

⁴⁰ *Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando imperio, 46.

⁴¹ *Thierry J.-M.* Monastères arméniens du Vaspurakan. VII // *Revue des Etudes Arméniennes*. Vol. 10. 1973–1974. P. 204–205.

⁴² *Виноградов А.Ю.* Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // *Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости*. СПб., 2011. С. 212–214.

⁴³ *Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando imperio, 45–46.

древнюю закавказскую традицию, охотно именуется себя византийскими титулами, которые придавали ему, очевидно, еще больший вес в глазах подданных. Это косвенное признание византийского сюзеренитета тем более показательное, что основание Абхазского царства в 786–787 гг. произошло как раз посредством отпадения Абхазии и Эгриси (Западной Грузии) от империи и упразднения византийской церковной иерархии на этой территории. Отношения Абхазии и Византии начинают налаживаться в 880-х гг., когда свергнутый абхазский царь Баграт I находит себе убежище в Константинополе и затем при помощи императора возвращает себе престол⁴⁴. Но еще в 900-х гг. абхазский царь Константин III принимает, пусть и несколько вынужденно, находясь в армянском плену, инсигнии из рук анийского царя Смбата⁴⁵. Однако при том же Константине III Абхазское царство сохраняет хорошие отношения с империей и, как сообщает в своих письмах патриарх Николай Мистик, даже помогает ей в христианизации алан. Именно сын Константина III Георгий II и упоминается впервые с византийским титулом «магистр»⁴⁶, который, подчиняя его далекому сюзерену в Константинополе, давал определенную независимость от могущественных соседей.

Почти сто лет спустя абхазо-картлийский (грузинский) царь Георгий I, потерпев сокрушительное поражение в войне с Византией, уступил ей территории и отдал в заложники своего сына Баграта, которому император присвоил тот же титул магистра⁴⁷. Таким образом, Георгий был вынужден признать (в частности, символически) сюзеренитет императора (так же, как и получивший тот же титул магистр Ованес-Смбат Анийский, см. выше). Вскоре, в 1027 г., после смерти Георгия I император отдает его сыну Баграту в жены свою племянницу Елену и дарует тому более высокий титул куропалата⁴⁸, что означало для Баграта не просто легитимацию его власти в борьбе с сыном Георгия от другого брака – Деметре, но фактически – признание его царем объединенной Грузии, так как титул куропалата традиционно носили владельцы ее юго-западной части, Тао-Кларджетии (см. выше). Деметре, в свою очередь, передал в 1033 г. византийцам крепость Анакопию, за что был почтен титулом магистра⁴⁹, – давая ему титул ниже, чем брату, император изначально давал понять, что признает его не более чем правителем Абхазии (согласно старой титулатуре), но не делает ставки на него как на претендента на общегрузинский престол⁵⁰. На самом деле даже во главе Анакопии мы видим в середине XI в. уже не местного правителя, а стратига византийской фемы⁵¹.

⁴⁴ Летопись Картли... С. 142–143.

⁴⁵ *Ованес Драсханакеертци*. История Армении, 41.

⁴⁶ *Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando imperio, 45–46.

⁴⁷ *Joannes Scylitzes*. Synopsis historiarum. Basilii II, 45.

⁴⁸ *Ibid.* Romanus III, 3; Картлис цховреба... С. 153.

⁴⁹ *Joannes Scylitzes*. Synopsis historiarum. Romanus III, 16.

⁵⁰ Такую роль он обрел позднее, в 1040-х гг., когда его выдвигает на нее Липарит Багваши.

⁵¹ См.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 82–84.

Армянский «архонт архонтов» из династии Багратуни, который получал свой венец от багдадского халифа⁵², одновременно с этим называется у Константина Багрянородного «рабом императора ромеев, так как он им назначен и от него получил такое достоинство, то есть и находящиеся под его властью крепости, государства и области принадлежат императору ромеев»⁵³. Означает ли это противоречие необоснованность политических претензий порфирородного писателя?⁵⁴ Нет, ведь мы имеем здесь дело с двойной легитимацией власти армянского царя, которая тому казалась вполне нормальной⁵⁵, – более того, в случае реального покушения на свою власть со стороны одного «сюзерена» он всегда мог обратиться к другому. Вряд ли такое положение вещей было очень приятно для византийцев, но ради подчинения, пусть и формального, анийских Багратидов, они вынуждены были его терпеть.

Византийская политика раздачи титулов, сопровождавшаяся вручением соответствующих одежд и инсигний, становилась и образцом для подражания со стороны местных правителей. Так, в 900-х гг. анийский царь Смбат Багратуни вручает попавшему к нему в плен абхазскому царю Константину III в знак своего сюзеренитета инсигнии: царские одеяния, золотой венец с жемчугом и золотой пояс с камнями⁵⁶. Упомянувшийся выше правитель Тао-Кларджетии Давид в 980 г., не став еще даже куропалатом, посылает корону и пурпурные одеяния правителю Хачена Иоанну-Сеннахериму. Однако кавказские правители, утверждая свой сюзеренитет, не могли раздавать подарки нематериального, но от того еще более притягательного свойства – титулы, включавшие их носителей в иерархию империи.

III. Дары сохранившиеся и исчезнувшие

Второй критерий делит византийские дары на действительно сохранившиеся и лишь упоминаемые в источниках. Здесь символический подтекст выявить сложнее в силу отрывочности нашей источниковой базы. Для сохранившихся даров мы обычно лишены сведений о контексте их дарения. Так, неизвестно происхождение практически всех византийских предметов роскоши из могильников Северного Кавказа: когда они были дарами, а когда предметом торговли или военной добычей (срав. выше, о случае ленты протоспафария Ваана).

⁵² Кроме венца, армянские цари получали от халифа в подарок также драгоценные камни, драгоценные одежды и породистых коней со сбруей (см.: *Юзбашьян К.И.* Указ. соч. С. 71).

⁵³ *Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio*, 44.

⁵⁴ Срав.: *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 419–421.

⁵⁵ Так поступали армянские цари от Ашота I Багратида до Гагика I Арцруни, причем последний, а также Смбат I получали инсигнии от арабов по нескольку раз (*Юзбашьян К.И.* Указ. соч. С. 69). В данном случае вручение инсигний приравнивалось к признанию легитимности власти армянского царя со стороны нового арабского наместника.

⁵⁶ *Ованес Драсханакерци.* История Армении, 41.

Лишь изредка мы можем догадываться о таком контексте и его символическом смысле. Например, некоторые эмали знаменитого Хахульского триптиха, судя по изображениям на них, связаны с брачным византийско-грузинским союзом, а именно с венчанием императора Михаила VII и Марии, дочери грузинского царя Баграта IV и внучки аланского эксусиократора⁵⁷, и происходят, вероятно, из венца или даже двух венцов⁵⁸ (ил. 2). Однако и в данном случае остается только гадать, как именно этот венец попал в Грузию: если это были брачные или коронационные венцы, то, возможно, Мария привезла их туда в 1072 г., когда навещала больного отца⁵⁹; если же это был вотивный венец⁶⁰, то он мог быть специально послан в Грузию как знак византийско-грузинского союза.

В случае же только упоминаемых даров мы зачастую не знаем, что именно было предметом дарения. Идеальную картину обмена такими «абстрактными» дарами описывает Ованес Драсханакертци: «В дополнение к этому благополучию царь ромеев Лев проявлял о царе Смбае немалое попечение, словно о сыне любимом, заключив с ним нерушимый дружеский союз, ежегодно посылая ему множество подарков и оказывая всяческие почести. А Смба, в благодарность за благодеяния царя ромейского, воздавал ему вдесятеро более щедрыми дарами как стоящему выше и как отцу родному»⁶¹. За этим идеализированным описанием соревнования Льва VI и Смбата I в щедрости подарков⁶² могут скрываться весьма разные вещи: от равноправных отношений до выплаты дани, – лишь из общего контекста взаимоотношения Византии и Армении в описываемый историком период мы можем предположить, что в данном случае центральным моментом был не обмен собственно дарами, а сохранение мирного договора, заключенного еще при Василии I⁶³.

Михаил Пселл⁶⁴ сообщает нам о привязанности императора Константина IX Мономаха к своей аланской любовнице, бывшей заложнице, которой он даже дал специально придуманный титул севасты (срав. выше относительно эксусиократора и ниже относительно севастократора), и дарах ее родственникам: «И снова все расточалось и проматывалось: часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые

⁵⁷ О ней см.: *Garland L., Rapp S.Jr. Mary «of Alania»: Woman and Empress between two worlds // Byzantine women AD 800–1200: Varieties of experience / ed. by L. Garland. Aldershot, 2006. P. 89–121; Idem. Mart'a-Maria «of Alania» // De imperatoribus Romanis. An Online Encyclopedia of Roman Emperors. URL: <http://www.roman-emperors.org/maryal.htm> (дата обращения 20.03.2016).*

⁵⁸ Библиографию о нем см. в: *Papamastorakis T. Re-deconstructing the Khakhoul'i Triptych // ΔΧΑΕ. Т. 23. 2002. Σ. 239.*

⁵⁹ Хахульский триптих. Тбилиси, 1988. С. [9].

⁶⁰ *Papamastorakis T. Op. cit. Σ. 241.*

⁶¹ *Ованес Драсханакертци. История Армении, 41.*

⁶² Для Византии его классический случай – история посольства синкелла Иоанна к халифу при Феофиле (*Joannes Scylitzes. Synopsis historiarum. Theophilus, 9.*)

⁶³ См.: *Юзбашьян К.И. Указ. соч. С. 82.*

⁶⁴ *Michael Psellus. Chronographia. Constantinus IX, 153.*

тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другими непрерывно приходили и уходили груженные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство»⁶⁵. При всех присущих Пселлу преувеличениях эти дары все равно весьма показательны, но неясность того, в чем именно они состояли, затрудняет оценку собственно их самих⁶⁶. Впрочем, чуть ниже⁶⁷ Пселл сообщает нам ценнейшие сведения о символическом контексте этих даров: «Ведь дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал им ее, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать»⁶⁸. Императорские дары слугам аланского правителя (равно как и высокий титул аланки) должны здесь были создавать видимость более высокого статуса их соотечественницы – по сравнению с ее реальным положением в византийской иерархии – и гарантировать верность Алании империи так же, как раньше ее гарантировала сама заложница. Но такое положение вещей было экстраординарно даже для византийской практики и не могло практиковаться долго – после смерти Константина IX аланка-севаста вернулась в свое прежнее состояние заложницы⁶⁹.

Хорошей иллюстрацией к проблеме сохранности/упоминания даров могут быть клады византийских монет на Северном Кавказе⁷⁰. Общеизвестно, что они были не предметом торговли, а поступали сразу в большом количестве из Византии. Но чем они были: данью, подарками, платой за наемников⁷¹ или иную военную помощь? Все эти варианты денежных поступлений неоднократно упоминаются в источниках, но соотнести их с реальными кладами весьма затруднительно⁷².

⁶⁵ Цит. по: *Михаил Пселл. Хронография* / пер., стат. и прим. Я.П. Любарского. М., 1978. С. 116–117.

⁶⁶ Существует предположение, что в их числе могли быть роскошные кожаные изделия: седла, попоны и т. п., из Змейского могильника (личное сообщение Д.С. Коробова).

⁶⁷ *Michael Psellus. Chronographia. Constantinus IX*, 154.

⁶⁸ Цит. по русскому переводу: *Михаил Пселл. Указ. соч.* М., 1978. С. 117.

⁶⁹ *Michael Psellus. Chronographia. Constantinus IX*, 155.

⁷⁰ О них см.: *Нахатов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку, 1959. С. 12–15; *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; *Он же.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 26. 1965. С. 166–189; *Виноградов В.Б.* Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. [Грозный], б. г. С. 5–11.

⁷¹ Об аланских наемниках в Византии см.: *Алеман А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 282, 285, 286, 288–292, 294–295, 307–312; *Seibt W.* Metropolit und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004. С. 58. Прим. 34; PLP. № 4137, 8322, 13622, 14078, 17141, 19443, 92644; Βρανούση Ε.Λ. Βυζαντινά έγγραφα τῆς μονῆς Πατρῶν. Τ. Α'. Αυτοκρατορικά. Αθήνα, 1980. Σ. 61. № 6.40.

⁷² В качестве классического примера см. гипотезу о Перещенинском кладе как сокровищах болгарского хана Кубрата и ее критику (*Комар А.В.* Перещенинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2010. С. 157–192).

Еще один хороший пример такой дистанции описан у Феофана Исповедника в биографии будущего императора Льва III Исавра: «И вот Юстиниан, если и не хотел явно чем-нибудь причинить вред Льву, злобу все же некоторую против него затаил и отсылает его в Аланию с деньгами, чтобы поднять аланов против абасгов. В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины. Лев, прибыв в Лазик, деньги оставил на хранение в Фасисе. Взяв с собой немного местных жителей, он отправился в Апсилию и, преодолев Кавказские горы, пришел в Аланию. [Тем временем] Юстиниан, желая погубить спафария, послав, забрал деньги из Фасиса»⁷³. Если бы у нас было обычное краткое сообщение хрониста об отправлении посла к аланам с платой за военную помощь, действительно оказанную ими впоследствии, а не пространная биография будущего императора, восходящая чуть ли не к нему самому, то мы были бы в полном праве искать среди обнаруженных в Алании кладов византийских монет и эту выплату, которая на самом деле вернулась в империю.

IV. Дары регулярные и окказиональные

Наконец, третий критерий оценки даров – это характер дарения: регулярный или окказиональный. Для первого случая наиболее чистым примером является выплата дани, в частности в виде даров: о его символическом подтексте говорилось выше. Однако к нему отчасти принадлежат и такие регулярно повторяющиеся дарения, как, например, подарки местным правителям по случаю их вступления на престол, которые, впрочем, могут быть отнесены также и к дарам окказиональным. Такой подарок в виде плаща – вероятно, соответствующего титулу магистра (см. выше) – упоминает патриарх Николай Мистик в своем письме абхазскому царю Георгию II, только взошедшему на престол⁷⁴.

Крайним вариантом окказионального типа следует считать свадебные дары, так как брачные союзы между византийским императорским домом и кавказскими правителями заключались крайне редко и были для последних большой честью. Выше уже говорилось о брачном венце Марии, жены Михаила VII, оказавшемся в Грузии. Также следует упомянуть о «богатом приданом», которое дал за своей племянницей Роман III Аргир, выдавая ее за эксусиарха Великой Армении в 1032–1033 гг.⁷⁵

Однако такие брачные дары могли носить и нематериальный характер. Проиллюстрируем это одним примером. В течение XI в., после создания объединенного Грузинского царства, мы не видим на ее территории следов греческого художественного присутствия, которое было столь характерно для Абхазского царства X в., напротив, здесь расцветает местная архитектура и живопись. Но внезапно, в начале XII в., мы сталкиваемся с экстраординарным примером византийского искусства в весьма значимом гру-

⁷³ Цит. по: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 65.

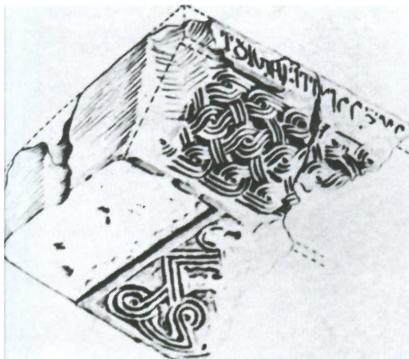
⁷⁴ *Nicolaus Mysticus.* Epistulae, 46: «Ἀπεστεῖλαμεν εὐλογίας χάριν ἱμάτιν».

⁷⁵ *Joannes Scylitzes.* Synopsis historiarum. Romanus III, 9.

зинском храме. При грузинском царе Давиде Строителе был построен и царский храм-сокровищница в Гелати, украшенный мозаикой (ил. 3) – уникальной для Грузии этого периода, выполненной, несомненно, мастерами византийской выучки. При этом о храме в Гелати мы знаем, что его строительство и украшение относится к концу правления Давида. Но именно тогда и был заключен брак между племянником Алексея Комнина и дочерью Давида Строителя. Вполне логично предполагать, что присылка мастеров в Гелати была частью брачных даров, где превосходство Византии было выражено в иной, художественной, форме.

Как мы видим, способы и смыслы дарений византийцев правителям Кавказа были весьма разнообразными, однако их цель оставалась практически всегда одной и той же – стабилизация отношений с политическими партнерами при утверждении авторитета империи, в частности за счет символических актов включения местных правителей в иерархию византийского мира.

К исследованию А. Виноградова



Ил. 1. Надпись на космите
в храме Бомборы (Абхазия)



Ил. 2. Хахульский триптих,
эмаль с изображением
Михаила VII Дуки
и Марии Аланской



Ил. 3. Мозаика в конхе апсиды собора Гелатского монастыря (Имеретия)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и Средние века
ВВ – Византийский временник
ДРВМ – Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ПЭ – Православная Энциклопедия
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР

АНР – Archivium historiae pontificiae
BL – British Library (Лондон)
BNF – Bibliothèque nationale de France (Париж)
Bodl. Libr. – Bodleian Library (Оксфорд)
BZ – Byzantinische Zeitschrift
DA – Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters
DOP – Dumbarton Oaks Papers
EHR – The English Historical Review
FMASt – Frühmittelalterliche Studien
GWU – Geschichte in Wissenschaft und Unterricht
HJb – Historisches Jahrbuch
HZ – Historische Zeitschrift
JGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
JMH – The Journal of Modern History
LexMA – Lexikon des Mittelalters
MGH – Monumenta Germaniae Historica
DD – Diplomata regum et imperatorum Germaniae
Fontes juris – Fontes juris germanici antiqui in usum scholarum... separatim editi
SS – Scriptores (in folio)
SS rer. Germ. – Scriptores rerum Germanicarum ad usum scholarum separatim editi.
SS rer. Germ. N.S. – Scriptores rerum Germanicarum. Nova series.
MIÖG – Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung
MPH NS – Monumenta Poloniae Historica – Pomniki dziejowe Polski. Nova series.
NF – Neue Folge
NS – Nova Series

PC – Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / éd. par P. Tisset, Y. Lanhers. P., 1960

PG – Patrologiae cursus completes. Series graeca / ed. J.P. Migne

PL – Patrologiae cursus completes. Series latina / ed. J.P. Migne

PLP – Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit

QFIAB – Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken

RBK – Reallexikon zur byzantinischen Kunst

RH – Revue historique

RHD – Revue historique de droit français et étranger

RQ – Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte

STUANGL – Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur

TNA – The National Archives (Лондон, Кью)

VSWG – Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte

ZHF – Zeitschrift für historische Forschung

ZRG – Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte

KA – Kanonistische Abteilung

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К исследованию А. Виноградова:

Ил. 1. Надпись на космите в храме Бомборы (Абхазия).

Ил. 2. Хахульский триптих, эмаль с изображением Михаила VII Дуки и Марии Аланской. Грузия. Тбилиси. Государственный музей искусств.

Ил. 3. Мозаика в конхе апсиды Гелатского монастыря (Имеретия).

К исследованию М. Панфиловой:

Ил. 1. Принесение во Храм. Миниатюра (ок. 1299). Германия, Бонн. Университетская библиотека. S. 384. Fol. 206r. Воспроизводится с сайта: <http://www.manuscripta-mediaevalia.de/dokumente/html/obj31275287>.

Ил. 2. Принесение во Храм. Фреска (1385–1395). Чехия, Либиш. Церковь св. Иакова. Воспроизводится с сайта: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f0/Kostel_sv._Jakuba_-_interi%C3%A9r%2C_Libu%C5%A1ino_n%C3%A1m.%2C_Libi%C5%A1%2C_окр._М%С4%9Вln%С3%ADk%2C_St%С5%99edо%С4%8Desk%С3%BD_kraj_08.JPG.

Ил. 3. *А. Темпеста*. Канонизация св. Франциски Римской. Фрагмент гравюры (1608). Италия. Рим. Библиотека Анжелика. Воспроизводится по изданию: *Anselmi A. Theaters for the Canonization of Saints // St. Peter's in the Vatican / Ed. by W. Tronzo. Cambridge, 2005. P. 248. Fig. 284.*

Ил. 4. *Дж.Б. Риччи*. Канонизация Карло Борromeo. Фрагмент фрески (ок. 1611). Ватикан. Апостолическая библиотека. Воспроизводится с сайта: <http://liturgia.mforos.com/1699131/9337167-canonizaciones-y-beatificaciones/>.

Ил. 5. Клетка для голубей и горлиц. Резное позолоченное дерево (1767). Рим. Коллекция Дория-Памфилии. Воспроизводится по изданию: *Voiteux M. Le rituel romain de canonisation et ses représentations à l'époque moderne // Procès de canonisation au Moyen Âge. Aspects juridiques et religieux / Éd. par G. Klaniczay. Rome, 2004 (Collection de l'École Française de Rome, 340). Pl. VIII.*

Ил. 6. Принесение во Храм. Миниатюра (ок. 1220–1230). Великобритания, Кембридж. Emmanuel College. MS 252. Fol. 9v. Воспроизводится с сайта: <http://www.english.cam.ac.uk/medieval/zoomtest.php?id=179>.

Ил. 7. Принесение во Храм. Миниатюра (втор. пол. XIV в.). Великобритания, Лондон. British Library. Add. Mss 29704-05. Fol. 93r. Воспроизводится с сайта: <http://www.english.cam.ac.uk/medieval/zoomtest.php?id=128>.

Ил. 8. Принесение во Храм. Миниатюра (1310–1320). Великобритания, Лондон. British Library. Royal Ms BVII. Fol. 149r. Воспроизводится с сайта: <http://www.english.cam.ac.uk/medieval/zoomtest.php?id=285>.

К исследованию М. Бойцова:

Ил. 1. Монета папы Сергия III (904–911). Фрагмент. Воспроизводится по изданию: *Sirch B. Der Ursprung der bischöflichen Mitra und päpstlichen Tiara. St. Otilien, 1975. Abb. 39.*

Ил. 2. Св. Петр (в паллии) передает паллий папе Льву III. Фрагмент мозаики (кон. VIII в.) Италия. Рим. Латеранский триклиний. Воспроизводится по изданию: 799 – *Kunst und Kultur der Karolingerzeit. Karl der Große und Papst Leo III. in Paderborn. Katalog der Ausstellung / Hg. von Ch. Stiegemann und M. Wemhoff. Bd. 1. Mainz, 1999. S. 243.*

Ил. 3. Константин VII Багрянородный в лоре перед Христом. Резьба по слоновой кости (ок. 945). Россия. Москва. Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Воспроизводится с сайта: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/112/porphyrogenetus.jpg>.

Ил. 4. Император Константин передает фригий папе Сильвестру. Фреска (сер. XIII в.). Италия. Рим. Санти Кватро Коронати. Фотография М.В. Панфиловой.

Ил. 5. Священное копье (IX в.) Австрия. Вена. Хофбург.

Ил. 6. Клобук архиепископа Василия Калики (XIV в.) Россия. Новгород Великий. Новгородский государственный музей-заповедник. Воспроизводится с сайта: <http://aria-art.ru/0/N/Novgorod.%20Kreml'.%20Vladychnaja%20palata/1.html>

Ил. 7. Император Константин передает царские инсигнии епископу Неофиту. Фрагмент царского места. Резьба по дереву. (1551). Россия. Москва. Успенский собор. Воспроизводится по изданию: *Соколова И.М. Трон царя Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006. С. 47.*

Ил. 8. Епископ Неофит передает царские инсигнии Владимиру Мономаху. Фрагмент царского места. Резьба по дереву. (1551). Россия. Москва. Успенский собор. Воспроизводится по изданию: *Соколова И.М. Трон царя Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006. С. 44.*

К исследованию Я. Хеннингса:

Ил. 1. Кружка. Стамбул (первая треть XVII в.). Дар патриарха Кирилла I Лукариса царю Михаилу Федоровичу в 1632 г. Россия. Москва. Музеи Московского Кремля. Воспроизводится с сайта: http://comjeitoarte.blogspot.de/2014_04_01_archive.html

Ил. 2. *Ж. Демаре.* Прием Петра I Людовиком XV 11 мая 1717 г. Рисунок (1717). Дар Шарля Де Голля И.В. Сталину в 1944 г. Воспроизводится по изданию: *Дары вождям / Сост. О.А. Соснина, Н.В. Ссорин-Чайков. М., 2006. С. 26.*

Ил. 3. Кнопка «Reset – Пере[за]грузка» (2009). Фотография: Pool/Reuters.

Ил. 4. *Л. Биллер.* Серебряное блюдо-лохань с композицией «Пленные турки перед императором Леопольдом I» (1684). Дар Леопольда I царям Ивану и Петру Алексеевичам. Россия. Москва. Музеи Московского Кремля. (Фотография любезно предоставлена Музеями Московского Кремля).

ОБ АВТОРАХ

Альтхоф Герд – профессор эмеритус Вестфальского университета имени Вильгельма, в 2007–2011 гг. председатель экселленцкластера «Религия и политика в культурах Нового времени и предшествовавших ему эпох» Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер).

Бережная Лилия – научный сотрудник экселленцкластера «Религия и политика в культурах Нового времени и предшествовавших ему эпох» Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер).

Бойцов Михаил – профессор Школы исторических наук, заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Виноградов Андрей – доцент Школы исторических наук, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гарнье Клаудиа – профессор Университета г. Фехта.

Грюнбарт Михаэль – профессор Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер).

Далевский Збигнев – доцент Института истории им. Тадеуша Мантойфеля Польской академии наук (Варшава).

Дмитриева Ольга – заместитель директора Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

Древс Вольфрам – профессор Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер).

Кирьянова Елена – свободный исследователь.

Литвина Анна – доцент Школы филологии и ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Панфилова Мария – докторант Университета имени Людвига и Максимилиана (Мюнхен).

Тогоева Ольга – ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Успенский Федор – профессор РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Хеннингс Ян – ассистент отделения истории Центрально-Европейского университета (Будапешт).

Штольберг-Рилинген Барбара – профессор Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер).

Научное издание

**На языке даров:
правила символической коммуникации в Европе
1000–1700 гг.**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А.Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.08.2016.

Формат 70х100/16. Усл.-печ. л. 21,285

Тираж 700 экз. Заказ № 5015.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: saleschpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Книга представляет собой коллективную монографию, подготовленную историками из России, Германии и Польши и посвященную культурным, политическим, а также символическим аспектам обмена дарами в Европе на протяжении Средневековья и раннего Нового времени. Подробно разбирая конкретные эпизоды из истории Западной Европы, Византии и Руси, авторы выявляют широкий спектр функций дарообмена в различных исторических ситуациях. Обмен дарами предстает важнейшим средством коммуникации на Западе и Востоке Европы на протяжении всего рассматриваемого периода. В результате совместного международного проекта удалось выяснить, что средневековый «язык даров» был изощрен и глубоко символичен, способен точно выражать множество различных смыслов и их оттенков.

